

Тая Мару

Дина Дружинина

Дина Дружинина

Двойное счастье для генерала

«Литнет»

2026

Дружинина Д.

Двойное счастье для генерала / Д. Дружинина — «Литнет», 2026

В ту ночь я спасла генерала ценой своей энергии. А он оставил мне жетон и исчез. Я думала, это худшее, что могло случиться. Но теперь я ношу под сердцем ребёнка, которого не должно быть. Энергообмен не приводит к беременности. Это закон. А значит, моё тело стало аномалией. И такие аномалии не оставляют в покое. Когда генерал возвращается, опасность приходит следом. Теперь я не просто женщина с чужим ребёнком. Я – цель. И единственный, кто может меня защитить, – тот, кого я восемь месяцев училась ненавидеть.ЛИТМОБ«КОСМО БЕБИ-БУМ»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Визуалы	9
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Визуалы 1	22
Глава 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пролог

— Что вы здесь делаете! Вам сюда нельзя! — паника охватывает всё моё тело при виде ввалившегося генерала, судя по отличительным знакам на форме. — Это закрытая лаборатория.

Один миг, и всё в моём теле меняется настолько, что я забываю, как дышать.

— Закрой шлюз! — Низкий голос пробирает до мурашек, заставляя колени подкашиваться.

— Вам нужно срочно уйти! Я не в реестре доноров, вам нельзя ко мне приближаться!

Но незнакомец не слушает. Или не слышит.

Форма на нём разодрана, левый бок залит темнотой, и только сейчас я замечаю, как тяжело он дышит, каждый вдох даётся ему с усилием, словно рёбра сломаны, и воздух режет изнутри. По его плечам и спине тянутся нити частиц. Они мерцают, как лампочка перед тем, как перегореть. Я видела такие только на схемах, ведь у каждого из Штаров частицы проявляют себя по-разному. Этот, по всей видимости, как-то использует их физически.

Он делает шаг, и я отступаю к столу. Ещё шаг, и моя поясница упирается в край. Руки дрожат, сердце колотится где-то в горле, а внизу живота разливается тянущее, влажное тепло, которое я не могу контролировать. Моё поле, мой тихий, никому не нужный дар, вдруг просыпается и тянется к нему, как растение к свету.

— Не подходите, — голос срывается на шёпот, и я ненавижу себя за то, как это звучит.

Он останавливается в шаге. Поднимает голову, и я вижу его лицо, бледное, с острыми скулами, с глазами, которые провалились в тень от усталости. Но в этой тени что-то горит. Живое. Голодное.

— Ты чувствуешь, — говорит он, и это не вопрос. — Твоё поле уже откликнулось. Не сопротивляйся.

— Я не могу, — я мотаю головой, но ноги не двигаются. Не хотят. — У меня нет потенциала. Я бесполезна. Меня никто...

— Ты чиста, — перебивает он, и его голос становится тише, но от этого только тяжелее. — Нетронутый глубинный потенциал? Интересно...

Моя рука поднимается сама собой, без спроса, без разрешения. Я касаюсь его пальцев, и мир взрывается.

Его поле врежется в моё, как волна в скалу, но скала не выдерживает, рассыпается, плавится, впускает его внутрь. Я чувствую, как моя энергия течёт по нашим соединённым рукам, вливается в него, и он выдыхает с облегчением, с болью, с чем-то ещё, что я не могу назвать.

— Что вы делаете?

— спасаю нас, — хрипит он и притягивает меня к себе.

Его губы находят мои, и я не успеваю ни отстраниться, ни выдохнуть. Они горячие, сухие, потрескавшиеся, но это не имеет значения, потому что в тот же миг его язык проникает в мой рот.

Я должна оттолкнуть. Должна закричать. Должна позвать охрану.

Вместо этого мои пальцы вцепляются в его разорванную форму, притягивают ближе, и я слышу свой собственный стон, вырывающийся из груди. Почему? Почему я так реагирую? У меня ведь нет потенциала, а он генерал... Значит и частиц у него много!

Я не смогу его зарядить. Всё это неправильно... Не...

Он отвечает тем же, глухим, низким звуком, который вибрирует где-то в его груди и передаётся мне, заставляет выгибаться навстречу.

Мы падаем на пол, и я не помню, как это происходит. Его руки уже срывают с меня куртку, а пуговицы моей блузки вдруг звонко скачут по металлическому полу.

Холод металла под спиной смешивается с жаром его тела сверху.

— Я на нуле, и если ты не поможешь мне через восемь минут я лишусь своих частиц навсегда.

— Я не смогу... У меня нет потенциала! — выдыхаю отчаянно, но он уже разводит мои ноги, ведь всем известно, что единственный способ быстро и полно соединить поля для энергообмена это испытать совместное наслаждение.

Я чувствую его кожу там, где он касается меня, и это прикосновение обжигает. Его ладони скользят по моим рёбрам, сжимают грудь, и я не могу сдержать нового стоны, когда его пальцы находят сосок, сжимают его, тянут.

Он водит большим пальцем по напряжённому бугорку, и меня выгибает, потому что это слишком, слишком остро, слишком ярко.

— Чувствительная, — выдыхает он и делает то же самое с другим соском, не давая мне опомниться.

Я впираюсь ногтями в его плечи, теряя связь с реальностью, и он пользуется этим. Его рука скользит ниже, по животу, по бёдрам, раздвигает их, и я чувствую его пальцы там, где уже влажно, где каждая клетка тела ждёт его. Он проводит по складочкам, медленно, мучительно, и я сжимаюсь, пытаюсь податься навстречу, но он только смещается, заставляя меня ждать.

— Твоё поле, — шепчет он мне в губы, и его дыхание сбивается, прерывается, когда я выгибаюсь под ним. — Оно не даст сделать тебе больно. Доверься.

Он входит в меня одним долгим, глубоким движением, и мир исчезает. Я чувствую, как он заполняет меня, как его плоть растягивает, как внутри разливается жар, а его поле касается моего, мягко, осторожно, но я чувствую, как оно ждёт, как готово взорваться.

— Дыши, — командует он, и я слушаюсь, делаю глубокий вдох, и в этот миг он начинает двигаться.

Медленно. Глубоко. Каждый толчок отдаётся во мне, разливается волной, поднимается выше, выше, захватывает живот, грудь, горло. Я слышу свои стоны, но они будто не мои, слишком громкие, слишком отчаянные. Он наклоняется, захватывает мой рот, и я чувствую его вкус, и это делает всё только острее.

Он ускоряется, и я теряю счёт толчкам. Его руки сжимают мои бёдра, приподнимают, открывают, и он входит глубже, ещё глубже, и я кричу, потому что больше не могу молчать. Он ловит мой крик губами, и мы падаем в эту темноту вместе.

Его поле наконец срывается с цепи. Я чувствую, как оно вливается в моё, как моё отвечает, как они сплетаются в тугую, пульсирующий узел, который растёт, сжимается, готовый разорваться. И когда это происходит, я теряю себя. Оргазм накрывает с головой, выгибает дугой, выжимает из горла крик, который, кажется, слышат все станции в этом секторе.

Он кончает следом, вжимая меня в пол, и я чувствую, как его семя заполняет меня, тёплое, живое, и это последнее, что я осознаю, прежде чем мир гаснет.

Я чувствую, как вся моя энергия становится частью его. Чувствую её впервые в жизни.

А в себя прихожу в одиночестве, устроенная в кресле и прикрытая его курткой, в кармане которой нахожу именной жетон: Эйран Шераас.

Не пропустите другие книги ЛИТМОБА КОСМО БЕБИБУМ
по ссылке:
<https://litnet.com/shrt/9Ign>

Глава 1

На КПП охранник отводит взгляд, когда я прикладываю пропуск к сканеру. Не смотрит на меня. Не смотрит на мой живот. Я прохожу через турникет и слышу, как он что-то говорит в коммуникатор, но слова тонут в гуле вентиляции, и я не разбираю.

Раньше он здоровался. Первые три месяца, когда я ещё могла скрывать, затягивала пояс, носила свободные халаты, приходила раньше всех и уходила позже, чтобы никто не видел, как пуговицы на блузке натягиваются на округлившемся животе. Тогда он улыбался, желал хорошего дня, иногда спрашивал, как прошла ночь. Теперь он отводит взгляд, и я знаю, что он думает. Все думают одно и то же.

На четвёртом месяце форма перестала застёгиваться. Я помню тот день: стою перед зеркалом в раздевалке, тяну ткань, пытаюсь свести края, но они расходятся, оголяя живот, который уже не спрятать. Тогда я ещё надеялась, что никто не заметит. Глупая надежда. Взгляды, которые раньше скользили мимо, начали задерживаться. Сначала любопытные, потом понижающие, потом тяжёлые, осуждающие.

В лифт я захожу одна, но на втором этаже дверь открывается, и внутрь заходит женщина из отдела биоэтики. Я не помню её имени, хотя мы работаем в одном здании уже три года. Она улыбается той улыбкой, которую я ненавижу больше всего: любопытство, приправленное жалостью. Я видела эту улыбку сотни раз за последние месяцы.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает она.

— Хорошо, — отвечаю я.

Хорошо, что меня вышвырнули из собственного проекта. Хорошо, что обо мне сплетничают все, кому не лень. Хорошо, что я ношу под сердцем ребёнка мужчины, который исчез в ту же ночь. А во время обмена энергией забеременеть вообще практически невозможно. Но невозможно не равно нулю. И это мой случай.

— Это хорошо, — кивает она, и лифт открывается на её этаже. — Берегите себя.

Двери закрываются, и я остаюсь одна.

На шестом этаже я выхожу и сразу сталкиваюсь с доктором Харисом. Он выходит из своего кабинета с планшетом в руках, и я узнаю обложку файла. Мой проект. Точнее, уже не мой.

— Кайяна Бонье, — говорит он, и его голос звучит так, будто он рад меня видеть. — Зайди на минуточку.

Я захожу. Он садится в кресло, и я вспоминаю, что это кресло когда-то было моим. Теперь он сидит в нём, раскладывает перед собой мои отчёты, мои гипотезы, мои данные, и я смотрю на его руки, которые перебирают чужие бумаги, и чувствую, как жетон под халатом впивается в грудь.

— Ты же понимаешь, Алиана, — говорит он, откидываясь на спинку. — Положение обязывает. Нестабильные образцы, риски для плода...

— Я понимаю, кайн Харрис, — перебиваю я.

Я слышала это уже столько раз, что могу повторить дословно. Временное решение. Мы же не можем рисковать. Вы же понимаете.

Он поднимает брови, удивлённый тем, что я не даю ему договорить. Три месяца назад он не мог отличить биополе монстра от помех сканера. Я помню, как он стоял у монитора и смотрел на данные, которые я собирала два года, и не понимал, что видит. Теперь он докладывает о «своих» успехах на общих собраниях, и никто не вспоминает, чьи это были данные.

— Временное решение, — подтверждает он, и я киваю, чтобы не смотреть на его лицо.

— Я всё поняла, кайн, — говорю уверенно и выхожу, не дожидаясь, пока он скажет что-то ещё.

В кофе-поинте я беру стакан, но пить не хочется. Сажусь за столик у окна, смотрю на свою ладонь, лежащую на животе, и чувствую, как внутри шевелится ребёнок. Он любит двигаться в это время, как будто знает, что сейчас тихо, что никто не смотрит, что можно напомнить о себе.

— Алиана.

Я поднимаю голову. Мара стоит напротив, держит в руках чашку, мнётся, оглядывается по сторонам. Мы работали вместе три года, пока меня не перевели в бумажный отдел, в ту самую комнатку без окон, где я теперь сортирую чужие отчёты и исправляю чужие ошибки. Она тогда ничего не сказала. Просто смотрела, как я собираю свои вещи, и молчала.

— Привет, — говорю я.

Она садится напротив, ставит чашку на стол, вертит её в руках.

— Тут такое говорят, — начинает она, и я знаю, что сейчас будет. — Что ты спала с начальством, чтобы проект получить. А когда забеременела, тебя и подвинули.

Я смотрю на неё и думаю, что если бы я действительно спала с начальством, то сейчас не сидела бы в бумажном отделе. Если бы я спала с начальством, я была бы сейчас дома, с пособием и хорошими рекомендациями.

— Ты же знаешь, как тут, — добавляет Мара, и в её голосе я слышу что-то похожее на извинение. — Все сплетничают... Прости, что не разговаривала с тобой. Это ведь правда?

Я лишь поджимаю губы, не желая на это отвечать.

— Я не держу зла, мне пора, — оставляю нетронутый стакан кофе, в очередной раз словно пытаюсь сбежать от ситуации и замираю, увидев в коридоре мужчину в полном обмундировании.

Его взгляд останавливается на моём животе, а я перестаю дышать.

и промо на историю "Космический замуж. Попала – распишись!" от Дины Дружининой

Z0EsesIC

(девочки, если забираете промики, отписывайтесь плиз в комментариях, чтобы мы новые добавляли сразу)

Визуалы

Дорогие наши читатели, мы приветствуем вас в нашей новой космической и горячей истории 18+

Будем как всегда рады каждому вашему лайку и комментарию, а также добавлению в библиотеку, если книга пришлась вам по душе.

Так что располагаемся поудобней, пристегиваем ремни и ПОЛЕТЕЛИ!

А на старт принесли немного визуалов, чтобы представить наших героев.

Генерал Эйран Шейраас

А визуал нашей героини, Алианы, давайте думать, какой больше нравится? Беременная прям нежная-нежная получилась ##

- 1.
- 2.
- 3.

Глава 2

Я забываю как дышать, просто не помню вдох надо делать или выдох. И главное: как? Время растягивается словно тонкая струна, звенит напряжением, связывает нас, тянет друг к другу намагниченными взглядами. Он смотрит на меня на моргая, хмурит брови.

Он не должен быть здесь

Он не должен был узнать.

Мы вообще не должны были встретиться! Никогда: не тогда и не сейчас.

А ещё он не должен смотреть на меня так, будто я в чём-то виновата перед ним.

Но он стоит прямо передо мной и смотрит. Высокий, огромный, широкоплечий, в полном обмундировании. Словно сделан из самого прочного во Вселенной сплава и дисциплины.

Кажется, за эти месяцы он стал ещё больше и плотнее, выглядит опаснее, чем тогда, в лаборатории.

Сейчас он не ранен, и не думает, как ему спастись. Сейчас он выглядит так, словно сам пришёл убивать. Я заставляю себя моргнуть и сделать вдох, глотая ком, застрявший в горле. Внутри всё сжимается в тугий комок обиды и злости.

Я буквально чувствую, как его взгляд прожигает кожу сквозь ткань. Будто он не просто смотрит, а сканирует, считывает, разбирает меня по слоям. И от этого невозможно спрятаться. Часть меня требует немедленно бежать, но я не могу сделать даже шаг.

Мара что-то продолжает говорить рядом, но я не разбираю слов. Всё вокруг размывается. Только его лицо притягивает к себе всё моё внимание.

Я вижу, как в его глазах что-то меняется, взгляд становится острым и холодным. Моё сердце в ответ на это преобразование падает вниз с грохотом, как лифт, у которого оборвались все тросы.

Он понял?

Нет?

Нет, не понял. Я заставляю себя дышать, медленно и через усилие, но дышать. Несмотря на то, что вдыхаемый воздух режет горло, царапает изнутри, травит его запахом, который я почему-то чувствую даже вдалеке.

Я выдерживаю его режущий взгляд. Мысленно то ли молюсь, то ли внушаю ему:

“Ты не знаешь!”

“Ты не должен знать!”

И он будто слышит меня, в этот же миг делает первый шаг ко мне. Потом еще один.

– Кайана Алиана Бонье, – произносит он, и звук его голоса прокатывается по мне, как волна, от которой невозможно укрыться.

Этот голос я помню слишком хорошо. Тело узнаёт его раньше, чем разум успевает выстроить защиту. По коже пробегают мурашки, колени на мгновение теряют устойчивость. Мне приходится усилием воли удержать себя на месте, не позволяя ни одному движению выдать, что творится у меня внутри.

Сглатываю и вздёргиваю подбородок, изображая спокойствие и собранность.

– Генерал? – Отвечаю я ровно, с лёгким удивлением, будто вижу его впервые, и между нами нет ничего, кроме той дистанции, которую он стремительно сокращает.

Последний шаг, и в этот момент я чувствую, то, что боялась больше всего.

Его поле.

Оно касается моего еле заметно, словно дуновение летнего ветерка, но моё тело реагирует мгновенно. Тепло разливается внизу живота, поднимается выше по рёбрам вверх, опалает

горло и щеки румянцем. Я судорожно вдыхаю и стискиваю зубы, чтобы не застонать от разочарования от самой себя. Только не сейчас!

Я отступаю на шаг, увеличиваю дистанцию в глупой надежде, что это может хоть что-то изменить.

– Вам что-то нужно? – Спрашиваю я придушенно.

Он смотрит на меня слишком внимательно и изучающе, будто пытается понять, что мной движет, действительно ли я не помню его.

– Мы уже встречались, – говорит он с полувопросительной-полуутвердительной интонацией, словно сам не доверяет своей памяти и своим глазам.

Я отрицательно качаю головой, не позволяя возникнуть паузе или продемонстрировать сомнение.

– Вряд ли, генерал, – отвечаю я спокойно. – Я работаю в архивном секторе.

Молчание между нами становится густым, плотным, почти осязаемым, и я чувствую, как его взгляд снова скользит по мне, задерживаясь там, где не должен.

Я инстинктивно кладу ладонь поверх живота, будто это может скрыть его, или по крайней мере защитить.

В его глазах что-то окончательно фиксируется, словно он принимает решение:

– Понятно, – произносит он тихо.

Не знаю, что именно ему понятно, но от его слов становится холодно и пусто внутри, словно из меня вытащили кусочек души.

– Простите, – Говорю я, делая шаг в сторону в попытке обойти его, – мне нужно вернуться к работе.

Мне нужно вырваться из этого напряжения, иначе я просто больше не выдержу. Не успеваю сделать и шага, как Мара хватается меня за руку, видимо решив, что сейчас самое время завершить свой допрос:

– Алиана, ну так что? Это ребёнок босса? – она кивает на мой живот со смесью жгучего любопытства и такого же жгучего презрения.

Я уже открываю рот, чтобы сказать ей, что её это не касается, но натываюсь на взгляд генерала. Решение приходит молниеносно, и я выпаливаю раньше, чем успеваю обдумать его хорошенько:

– Да! Но тебя это не касается.

Мара смотрит на меня с победным видом, будто преступник наконец-то дал признательные показания под её давлением, но это длится лишь миг. Уже в следующее мгновение она изображает заботу на своем лице:

– Алиана, но тогда я не понимаю, почему ты не требуешь большего? Я бы на твоём месте требовала повышение и прибавку! У тебя будет ребенок от кайяна Артеоса, этим надо воспользоваться.

Глава 3

Мне стоит невероятных усилий сдержаться и не бежать, но я всё равно двигаюсь очень быстро. Будто привидение увидела. А ведь по факту так и есть. Я восемь месяцев старалась изжить образ Эйрана из своей памяти.

А теперь чувствую, как он прожигает своим взглядом мою спину. Мне не нужно оборачиваться, я чувствую каждым нервным окончанием – он пристально смотрит, следит за любым малейшим моим движением.

Моя ладонь прижата к животу, колени дрожат, а сердце колотится с утроенной силой.

Кажется, Мара что-то говорит мне вслед, но я не разбираю слов. Да и не хочу.

Сворачиваю за угол, и давление преследующего меня взгляда ослабевает. Прислоняюсь к стене, закрываю глаза, пытаюсь вспомнить как дышать. Но воздух застревает в груди, не проталкивается через ком в горле, который всё растёт и растёт. Приходится сжать руки в кулаки, воткнуть ногти в ладони, чтобы сделать глубокий вдох, и за ним второй, третий.

– Алиана! – голос Мары настигает меня, когда я уже захожу в лифт. – Так вот ты где! Ты так быстро от меня сбежала!

Она подбегает, запыхавшись, и мне даже кажется, что в её глазах есть что-то похожее на раскаяние. Но я не хочу разбираться. Я лишь отрицательно машу головой и выставляю ладонь в предупреждающем жесте. Пусть думает, что меня сейчас стошнит, и именно поэтому я не хочу никого видеть.

И лишь когда двери лифта захлопываются перед самым лицом Мары, отрезая меня от всего мира, я шепчу, прижимая свою ладонь к животу, сотрясаемому от ударов изнутри:

– Тише, маленький, всё будет хорошо! Мама справится!

Архивный сектор встречает меня привычной тишиной и полумраком. Только здесь я могу наконец выдохнуть. Всё тело дрожит мелкой противной дрожью, и я не могу её остановить.

Я видела его. Он здесь. Он только что был рядом и разговаривал со мной.

Провожу ладонями по лицу, словно пытаюсь смыть его пристальный взгляд. Сажусь за стол, открываю терминал, но всё расплывается перед глазами. Вряд ли мне удастся сосредоточиться. Весь этот взрыв эмоций, который я никак не могу унять – это скорее всего эхо его поля, которое до сих пор гуляет где-то внутри меня, отдаётся острой пульсацией в висках и жарким теплом внизу живота.

Это всё так неправильно! Он не должен на меня так действовать! Прошло столько времени, а моё тело помнит его прикосновения, его запах и голос. Предательское тело, которое реагирует на него как будто ничего не случилось, и не было этих восьми месяцев!

– Ты справишься! – команду я себе вслух. – ты уже справилась. Справишься и сейчас! ведь ничего такого не произошло. Он не понял, чьего ребёнка я ношу под сердцем, так что незачем волноваться.

Эти слова, словно мантра, которую я повторяю ещё про себя несколько раз, действуют. Я открываю первую попавшуюся таблицу с расчётами, пытаюсь вчитаться в строки, но они так и пляшут перед глазами. Не знаю, сколько времени проходит, но у меня получается почти убедить себя, что всё самое страшное позади. Он ушёл, и мы больше никогда не встретимся, забудем друг о друге.

Какое-то тревожное предчувствие заставляет меня поднять голову, прислушаться в звукам в коридоре. Правда, я ничего не успеваю расслышать подозрительного.

В дверь стучат. Сердце пропускает удар, но я открываю замок, и в тот же миг дверь распахивается.

Генерал Шераас стоит на пороге, заполняя собой весь немаленький дверной проём. Он кажется готов и весь мир заслонить, нависает надо мной. Делает шаг внутрь, и в моей комнате вмиг становится тесно и жарко.

– Закройте дверь, кайана Бонье! – приказывает он.

Я подчиняюсь раньше, чем разум успевает возразить. Делаю шаг в двери, металлический щелчок замка звучит оглушительно, приводя меня в чувство.

– Что вам нужно, генерал? – мой голос звучит ровнее, чем я ожидаю. И я очень радусь этому. – если вы пришли проверить, вот моя каточка допуска. Архивный сектор, как видите.

И хоть я протягиваю карточку, он не удостаивает её даже мимолётным взглядом. Смотрит только на меня, переводит взгляд с живота на лицо, и обратно.

Он не садится, прислоняется плечом к стеллажу, скрещивает руки на груди, и я чувствую, что его поле касается моего. Едва заметно, осторожно, но даже так это прикосновение обжигает.

И это естественно от него не укрывается, в глазах вспыхивает опасный огонь, а губы дёргаются в усмешке.

С беспардонностью древнего танка, прущего напролом, он спрашивает:

– Ты беременна? Кто счастливый отец?

Я чуть не захлебываюсь воздухом от его наглости. Глаза округляются, грозя вывалиться из орбит:

– Вас это не должно касаться, генерал.

Я прикладываю все усилия, чтобы мой голос звучал отстранённо и холодно. Но только мой ещё неродившийся малыш решает, что он очень рад папочке, и в честь знакомства с ним исполнит весь репертуар своих активных танцев.

Форма едет от его ударов то вправо, то влево, чётко обрисовывая агрессивно-динамичный характер младенческой хореографии.

– Bay! – изумленно комментирует Эйран то ли мой ответ, то ли “ответ” малыша.

Я не выдерживаю и взрываюсь:

– Вас ничего не волновало, когда вы ворвались в лабораторию несколько месяцев назад. Вы... вы... – Язык не поворачивается произнести, всё что крутится у меня на уме. – Так что и теперь не должно волновать.

– Хмм, милая девушка оказывается имеет острые зубы? – саркастично замечает он. – Вот так номер!

и после паузы продолжает:

– Очень нужный навык, тем более, если я верно расслышал, что автор этого, – он пренебрежительно кивком головы указывает на мой живот, – кайан Артеос.

Он снова замолкает, сжимает челюсть, и я вижу, как на его скулах ходят желваки.

– Что это значит? – я непонимающе хмурюсь.

– Ты вообще знаешь, кто он? Не мешало б выяснить, прежде чем рожать от него ребенка!

Но больше ничего не успевает сказать, потому что в дверь снова стучат. Из-за двери доносится голос Мары:

– Алиана! Алиана! Тебе кайан Артеос ищет, ты вообще там? И почему ты заперла дверь? Алиана! Он уже готов сам к сюда идти! Алиана!!!

Глава 4

Глава 4

Генерал Шераас не двигается, только его челюсти сжимаются ещё сильнее, и я вижу, как желваки ходят под кожей.

— Открой, — говорит он тихо таким тоном, словно я должна в тот же миг подчиниться.

Я мотаю головой, прижимая ладонь к животу и пытаюсь успокоить и ребёнка, и себя. Он словно чувствует, что настоящий отец здесь, прямо рядом с нами.

Но настойчивый голос доносится по ту сторону двери.

— Алиана! — голос Мары уже не просто настойчивый, а почти истеричный. — С тобой всё в порядке? Выходи.

Эйран делает шаг в сторону, уступая мне дорогу к двери, но я чувствую, что он не уйдёт. Он просто отступит, скроется в тени и будет ждать. Что ему нужно от меня? Зачем вернулся? Столько времени ни одной вести от него не было, так что он делает здесь сейчас?

Я делаю глубокий вдох, расправляю плечи и открываю замок.

Мара вваливается внутрь, едва не падая, оглядывает комнату, меня, а я молюсь, чтобы она не заметила ничего странного. Её взгляд задерживается на пустом столе, где я сидела минуту назад.

— Ты чего заперлась? — возмущённо спрашивает. — А если бы с тобой что-то случилось?

Очень не похоже это на заботу, скорее слышится предвкушение скандала. Может, кто-то видел, как кайан Шераас заходил ко мне?

— Голова болит, — отвечаю я, стараясь сдержать рвущиеся наружу эмоции. — Свет режет, хотела тишины.

Мара смотрит на меня с сомнением, но видимо верит в то, что в моём положении такое возможно.

— Ладно, — выдыхает она. — Потом расскажешь. Там кайан Артеос тебя ищет. Говорит, срочно. Я в коридоре его встретила, он ждёт. И требовал от меня, чтобы ты пришла как можно скорее.

— Хорошо, — киваю я. — Мне нужно принять ещё витамины через пять минут, я как-нибудь сама объясню свою задержку. Спасибо.

Мара соглашается нехотя, но всё-таки покидает кабинет. Только когда слышу, что шаги становятся совсем тихими, наконец, выдыхаю.

— Выходи, — говорю я, не оборачиваясь.

Эйран показывается из-за стеллажа, но я чувствую его присутствие спиной, затылком, каждой клеточкой своего поля.

— Это он? — спрашивает зачем-то ещё раз. — Артеос отец ребёнка?

Я резко оборачиваюсь, глядя на него в упор, чувствуя, как внутри поднимается злость, которую я сдерживала с момента, как узнала, что мне даже связаться с ним невозможно. Как осталась один на один с последствиями той встречи.

— Какое вам дело, генерал? Вы ушли. Исчезли после нашего знакомства. Вы не имеете права спрашивать.

Его губы становятся тонкой линией, а руки сжимаются в кулаки.

— Иди, — звучит тяжёлый приказ того, кто привык командовать в любой ситуации. — Он ждёт. А я уйду. Позже.

Я не собираюсь спрашивать, как он собирается выйти незамеченным и что он вообще делает в этом здании. Я пытаюсь убедить себя в том, что мне всё равно, но не получается. Выхожу в коридор и спешу в кабинет кайна Артеоса.

Он выглядит как всегда идеально. В нём хорошо всё, за что все свободные девушки нашей лаборатории и мечтают обратить на себя его внимание. Оттого ни у кого и не возникло ни единого сомнения в том, что по какой-то причине мой ребёнок именно от связи с ним.

Я подхожу ближе к столу, за которым он сидит, и взгляд мужчины задерживается на моём животе.

— Я слышал странные вещи, — его идеальная улыбка не достигает глаз и скорее пророчит мне ужасное будущее, от которого внутри всё холодеет в тот же миг. — Мара пришла и доложила о том, что ты назвала меня отцом своего ребёнка.

Я закусываю губу, злясь одновременно и на себя и на якобы подругу. Молча смотрю в его небесно-голубые глаза, похожие на кристаллики льда. А что я могу ему сказать? Что выпалила это под давлением, или что специально так сказала перед генералом, который не поверит в правду?

У нас с ним была лишь одна связь во время обмена энергией и всем известно, что столь неожиданных последствий быть просто не может.

Да и за последние четыре месяца сплетни всё уже решили за меня, а я просто не нашла сил больше это отрицать.

— Это неправда, — наконец отвечаю глухо. — Я не знаю, зачем сказала, — едва формулирую свои путающиеся мысли. — Все уже давно решили, что это так. А в тот момент я не могла думать.

Он приподнимает одну бровь, улыбаясь ещё шире, но глаза остаются холодными.

— Интересно, — мужчина поднимается из-за своего стола, делает шаг ближе и я чувствую, как его поле касается моего. Такое слабое и почти незаметное по сравнению с полем Эйрана. — А что если я скажу, что мне это выгодно?

— Выгодно? — переспрашиваю я, удивленно распахнув ресницы и заглядывая в его глаза.

— Видишь ли, Алиана, — он скрещивает руки на груди, а в голосе проявляется деловая нотка, которую я обычно слышала на совещаниях, когда была до них допущена. — Моя репутация, скажем так, нуждается в корректировке. В моём возрасте быть без семьи и детей вызывает вопросы у тех, кто принимает решения. А если у меня будет беременная женщина, которая носит моего ребёнка...

Он замолкает, будто давая мне додумать самой.

— Вы хотите, чтобы я притворилась? — я едва могу контролировать свой дрожащий голос. — Чтобы я сказала всем, что ребёнок ваш?

— Всего на неделю, — уверенно произносит он. — Мне нужно подписать один контракт, и моё семейное положение, скажем так, играет роль. Всего один ужин. После этого мы расстанемся, и ты сможешь воспитывать своего ребёнка как хочешь. Никто не узнает правды.

— Какой именно правды?

— В том, что отец твоего ребёнка не я. И если ты желаешь это скрыть, то я представляю для тебя лучший вариант из возможных.

Глава 5

Выхожу из кабинета Артеоса, и коридор плывет перед глазами.

Только что я согласилась. Сказала “да” почти не думая, потому что его предложение вдруг показалось мне мостиком над пропастью, в которую я лечу уже восемь месяцев.

В конце концов, – убеждаю я себя, – всего неделя. Один ужин и потом я свободна.

Взамен я получу хотя бы временное освобождение от косых взглядов. А еще (но в этом я не признаюсь даже себе самой) я покажу Эйрану Шераасу, что он для меня ничего не значит, что я забыла его, как забыла то, что произошло между нами в тот вечер.

Бреду по коридору автоматически переставляя ноги, словно заводная кукла. В голове пустота. Мой малыш затих и не пинается по своему обыкновению, будто тоже обдумывает, правильно ли я поступила.

Ох, малыш, если я знала!

Сердце начинает биться чаще, когда я подхожу к архивному сектору. Что если Шераас не ушёл и снова поджидает меня со своими вопросами и взглядами, пронзающими насквозь?

Но в коридоре сектора пустота и тишина, как всегда. И в моём кабинете тоже пусто. Зря стояла перед его дверью и собиралась силами и мыслями, перед тем как открыть её. Боялась, что он внутри.

Пусто.

Стол, стул, мой рабочий терминал. Стеллажи с папками.

Я знала, что он уйдёт. Но не думала, что так остроотреагирую на это. Сейчас внутри меня разливается горечь обиды и одиночества. Словно я потеряла кого-то важного и нужного.

“Не смей так думать!” – приказываю сама себе, чтобы самой же и послушаться этого приказа.

Я сама выставила его за дверь, сама сказала всё, чтобы он держался от меня подальше. Неожиданно вдруг ощущаю, что мне было тревожно и страшно, когда он был рядом, смотрел на меня так, что нервы звенели натянутыми струнами, но ещё было тепло от теплящейся надежды. Вдруг я нужна ему? Вдруг он поймет, что я ношу его ребёнка.

А теперь осталась только тревога и страх. Тепло сменилось на ледяную зыбь осознания: Для него наша встреча ничего не значит.

Шумно втягиваю носом воздух, в глупой попытке уловить его аромат, как свидетельство того, что он был тут, стоял рядом со мной, говорил со мной, смотрел на меня. Требовал порвать с Артеосом, или мне это лишь показалось?

Вместо этого, я словно назло договорилась с Артеосом претвориться его парой.

Малыш внутри меня толкается наконец. Больно бьет по ребрам, отчего я инстинктивно прикладываю ладонь к этому месту, где только что была его пятка, шепчу умиротворяюще:

– Тише, мой хороший, всё будет хорошо, – но потом не выдерживаю и жалуясь: – Он опять ушёл. И даже не попрощался.

Хотя с другой стороны, чего я ожидала. Что он будет ждать? Он – генерал, у него сотни подчиненных, целые сектора под командованием. А я – никто, незаметная серая мышка из архивного отдела. Да ещё и беременная. Наверное, я для него просто ошибка, которую он пытался исправить сегодняшним странным разговором. Или не пытался.

Неважно. Это уже неважно.

Теперь у меня есть план. Пусть все думают, что я пара с Артеосом, а мой ребенок – от него. И несмотря на то, что я должна чувствовать победу, от того, что я обманула генерала и всех своих сослуживцев, внутри почему-то пусто и холодно.

Следующее утро приносит мне новое испытание. Все, хорошо, почти все незамужние молодые женщины взбудоражены вчерашним визитом генерала Шерааса. Воздух буквально вибрирует от сплетен.

Девушки сбиваются в группки, смотрят в коммуникаторы и перешёптываются. Кто-то показывает экран соседкам, кто-то округляет глаза и прикрывает ладонью рот от изумления.

– Алиана! – Обращается ко мне за обедом одна из самых юных сотрудниц архивного сектора, Фелис. – Ты видела?

– Что именно? – осторожно спрашиваю я.

– Генерал Шераас! – Она выдыхает это имя так, словно речь идёт о рок-звезде Галактического масштаба, – все только и говорят сегодня о нём. Говорят, он лично инспектирует наш сектор. Представляешь? Генерал собственной персоной ходил по нашим коридорам.

Я чувствую, как дыхание застревает в горле.

– И что с того? – спрашиваю, прокашлявшись.

– Ты чего? не понимаешь? – она наклоняется ближе, понижает голос до заговорщицкого шёпота, – Мара даже говорила, что видела его в архивном секторе! Представь! Он был в двух шагах от меня!

Она мечтательно закатывает глаза, словно стоило генералу приблизиться к ней еще на шаг, то вся её жизнь пошла бы совсем другим путём.

Я закашливаюсь, вдруг поняв, что именно так со мной и было. Стоило генералу приблизиться, и всё... Моя жизнь с тех пор изменилась.

Голос Фелис возвращает меня из моих раздумий обратно:

– ... ему всего тридцать два. он не женат. И говорят, что его поле такое мощное, что он может разорвать противника даже не касаясь. А еще говорят, что стоит ему коснуться, и любая сходит с ума от желания.

Она закатывает глаза, и обмахивается рукой, изображая, что ей очень жарко от одной только мысли об этом.

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри меня всё переворачивается. Они все понятия не имеют. Они видят форму, звание, легенду. А я видела его другим, обычным, который ввалился в лабораторию, растратив все частицы, ослабленный и умирающий.

Я чувствовала его губы на своих губах. Он был очень слаб, но это не помешало ему быть ошеломительно нежным со мной. Я знаю, какой у него голос, когда он шепчет на ушко нежные слова, вколачиваясь в меня...

Я знаю, что он использовал меня и исчез. Я давно решила, что он мерзавец каких поискать. Но почему же тогда мне так больно слышать, как другие женщины мечтают о нем?

Глава 6

До меня доходит не сразу, только когда в столовой две женщины из отдела генетики обсуждают вчерашний визит. Одна из них замечает, что генерала такого уровня не отправляют в спокойные сектора, и если он здесь, значит, что-то готовится. Я замираю с подносом в руках, чувствуя, как внутри всё холодеет.

Наш сектор считался одним из самых мирных на планете почти год, город-спутник начал потихоньку заселяться гражданскими, лаборатория получила финансирование на расширение, и мы наконец вздохнули свободно. Я помню времена, когда сирены выли каждую ночь, а мы сидели в укрытиях, слушая, как монстры скребутся в защитные купола. Тогда каждый день мог стать последним, и никто не говорил о будущем, потому что никто не был в нём уверен. Потом стало тише, потом совсем тихо, и я начала надеяться, что к рождению малыша здесь будет безопасно, что он не узнает этого страха, не будет просыпаться от воя сирен и не увидит, как взрослые прячут детей в бункеры.

Теперь приехал он. Генерал, чьё поле в одиночку способно уничтожить отряд противников, чьё имя знает каждый в этом секторе, чьи заслуги описывают в учебниках по тактике ведения боя с монстрами. Таких не отправляют на прогулки и не ставят в обычный патруль. Его присутствие означает только то, что угроза реальна и, может быть, страшнее прежних.

Я ставлю поднос обратно на стойку и выхожу из столовой, потому что кусок не лезет в горло, а внутри разрастается тяжёлое, липкое чувство тревоги. Мысли путаются, я пытаюсь убедить себя в простом совпадении, в том, что у генерала могут быть другие причины для визита, что я просто накручиваю себя из-за беременности и гормонов.

В глубине души я знаю правду, но готова сделать вид, что не понимаю её, лишь бы не паниковать при всех.

Коридор встречает меня привычным гулом вентиляции и редкими прохожими. Я почти дохожу до поворота к архивному сектору, когда он выходит из-за угла.

Время снова растягивается, как вчера, как тогда, в лаборатории, как каждую ночь, когда я просыпаюсь и не могу заснуть, потому что чувствую его запах на подушке. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящей форме, с погонами, которые блестят под светом ламп, словно их только что начистили. Он выглядит так, будто сошёл с плаката военной пропаганды, только глаза выдают усталость, которую не скрыть никакой формой.

Его взгляд находит меня сразу, словно он знал, что я здесь, словно искал меня. Я чувствую, как его поле касается моего, эта лёгкая вибрация отдаётся где-то в груди и заставляет сердце биться чаще, сбивая дыхание. Моё поле, которое восемь месяцев молчало, вдруг оживает и тянется к нему, как будто ничего не случилось, как будто не было этих месяцев одиночества, сплетен и унижений.

Я должна пройти мимо, опустить глаза, сделать вид, что не замечаю его, что он для меня никто. Ноги не слушаются, я застываю на месте, прижимаю ладонь к животу, и этот жест не ускользает от него. Его взгляд скользит по моей руке, задерживается на округлившемся животе.

В этот момент из-за спины раздаётся знакомый голос.

— Алиана, дорогая, я тебя везде ищу.

Кайан Артеос подходит сзади и обхватывает меня за талию, его рука ложится на поясницу уверенно, привычно, словно он делал это сотни раз. Я чувствую, как его пальцы сжимают ткань халата, и мне хочется отстраниться, стряхнуть это прикосновение, но я не могу, не перед ним, не сейчас. Моё тело напрягается, становится твёрдым, как доска, но Артеос, кажется, не замечает этого или делает вид, что не замечает.

Артеос наклоняется и целует меня в шею, лёгкое, едва заметное прикосновение губ, от которого по коже бегут мурашки, совсем не те, что от Эйрана. Холодные, чужие, неправильные. Внутри всё сжимается от неловкости и стыда, хотя я не сделала ничего плохого, я просто играю роль, которую выбрала сама, роль, которая должна защитить меня и моего ребёнка.

— Ты забыла, — Артеос говорит мягко, но настолько уверенно, что в голосе слышится холод. — Сегодня ужин с советом директоров, я обещал, что ты будешь.

Он протягивает мне приглашение, чёрную бархатную бумагу с золотыми вензелями, тяжёлую, словно сделанную из металла. Я беру его, пальцы дрожат, я чувствую на себе взгляд Эйрана, он прожигает меня, и я не смею поднять глаза, потому что боюсь увидеть в них то, что заставит меня забыть обо всём.

— Конечно, — отвечаю я чужим голосом, словно слишком плохой актёр, не выучивший роль. — Я не забыла.

Артеос улыбается, эта улыбка адресована не мне, он смотрит поверх моей головы на генерала, и в его глазах мелькает что-то похожее на вызов. Я не знаю, что между ними, откуда это напряжение, но воздух вокруг становится почти осязаемым, густым, как перед грозой.

— Кайн Шераас, — кивает Артеос, в его голосе слышится лёгкое пренебрежение. — Рад видеть вас в нашем секторе. Надеюсь, ваше присутствие вновь не связано с неприятностями.

Эйран не отвечает, только переводит взгляд с Артеоса на меня, и я вижу, как его челюсти сжимаются, как желваки ходят под кожей. Он смотрит на руку Артеоса на моей талии, на приглашение в моих руках, на мой живот, и в его глазах что-то темнеет, становится глубже, опаснее. Мне кажется, ещё секунда, и он схватит меня за руку и уведёт, но он только молча разворачивается и уходит, не сказав ни слова.

Артеос провожает его взглядом, потом поворачивается ко мне.

— Не переживай, всё идёт по плану. Сегодня тебе просто нужно быть красивой и молчать, я всё скажу сам.

Глава 7

Глава 7

Впервые с начала беременности меня ощутимо тошнит. Хотя все сроки для токсикоза давным-давно прошли.

Но стоит мне снова взглянуть на себя в зеркало, приступ тошноты вновь повторяется.

Артеос прислал мне платье, в котором мне “следует быть на ужине с советом директоров”. Он объяснил это тем, что я должна соответствовать его образу, поэтому расходы он берет на себя.

Но стоило мне его надеть, как меня начало мутить. Обтягивающее каждый изгиб тела, темно-бордовое, длинное. Оно совершенно мне не идёт, зато не скрывает ни одного сантиметра моего огромного живота, словно нарочно выставляя его напоказ.

Образ называется не иначе как “Беременная невеста начальника лабораторного отдела”.

Я не хочу это надевать сегодня. Лучше сжечь это платье, разорвать записку, с которой его доставили, забиться в под одеяло и никогда никуда не выходить.

Но потом я жёстко напоминаю самой себе, что если я так сделаю, то весь вечер я буду думать о Эйране и переживать, чтобы он не узнал о своём ребенке, или тревожиться о своём будущем.

Поэтому я встряхиваю волосами и наношу макияж. Я буду на этом ужине, чего бы мне это не стоило. Во-первых, это должно умирить наших лабораторных сплетниц, а во-вторых, даст понять генералу, что он ничего не значит для меня.

Смотрю на себя в зеркало и с трудом узнаю. Кривлюсь своему отражению. Я больше не подающий надежды учёный, я лишь украшение, беременный аксессуар для Артеоса.

“Но это всего на неделю! Всего на неделю!” – повторяю я про себя как мантру, выхожу из комнаты и направляюсь к залу приёмов.

Зал приёмов находится на верхнем уровне станции, под самым куполом.

Сюда пускают только по специальным приглашениям. Хрустальные люстры, длинный стол, идеальная сервировка.

У панорамных окон открывается вид на звёзды, но я почти их не замечаю. Всё внимание приковано к людям, которые уже собрались за столом.

Пятеро мужчин и две женщины в дорогих костюмах. Совет директоров. Те, кто решает судьбу проектов, финансирование, распределение ресурсов. Их взгляды холодные, оценивающие, они смотрят на меня как на экспонат.

Хотя почему “как”? Сегодня я и есть экспонат.

Артеос встречает меня у входа. На нём безупречный тёмный костюм, волосы уложены, лицо украшает дежурная улыбка. Он быстро целует меня в щёку. Показное прикосновение, рассчитанное на то, чтобы все видели.

– Улыбайся и не спорь, – шепчет он, не разжимая губ. – Что бы я ни сказал.

Его слова что-то цепляют внутри меня, рождая смутное чувство тревоги, но я отмахиваюсь от него. Ведь я просто напряжена, правда?

Поэтому я лишь киваю. И делаю, как он просит. Улыбаюсь такой же дежурной улыбкой, беру его под руку, когда иду к столу.

Похоже, Артеос вполне доволен тем, какое впечатление мы производим. Он отодвигает для меня стул, а когда я сажусь, и он усаживается рядом, то его рука на минуту ложится на мою. Показательный жест то ли заботы, то ли того, что я в его руках.

Но я лишь чувствую его холодные пальцы и изо всех сил сдерживаю желание отдёргнуть руку.

За столом довольно много народа, и довольно быстро я расслабляюсь, понимая, что моя персона не очень то всем интересна. Все ведут обычные для таких ужинов беседы о состоянии сектора, об угрозах, о финансировании исследований.

Я механически улыбаюсь, пью сок, бездумно ковыряюсь вилкой в тарелке, даже кажется не осознавая, что за блюда нам подали. Мои мысли улетают снова и снова к Эйрану.

Что было бы, если бы он узнал правду?...

Из моих фантазий меня выдергивает голос Артеоса, разносящийся по залу. Я вдруг замечаю, что за его спиной разворачивает голограммы с моими слайдами.

Потрясенно смотрю на них и не могу поверить своим глазам.

Моргаю несколько раз, будто верю, что это галлюцинация, и она сейчас развеется. Мои расчёты, мои гипотезы, мои схемы. Я узнаю каждый график, каждую выноску на нём.

Артеос повторяет слово в слово вслед за Харисом то, что я писала в своих отчётах. Точнее, представляет это так, словно проектом руководил Артеос лично. Выходит и Харриса он решил просто отодвинуть на второй план, хотя он так старательно пытался выдать мой проект за свой. Артеос оказался куда сообразительней и смог разобраться с основной сутью.

Я сжимаю под столом пальцы в кулак так сильно, что ноги впиваются в ладонь, оставляют на ней следы в виде полумесяцев. Внутри меня всё кипит, поднимая волну гнева. Перед глазами темнеет и шумит в ушах.

Один из членов совета кивает, встаёт из-за стола и, салютуя бокалом шампанского, произносит:

– Впечатляюще, кайан Артеос! Вы настоящий гений! Такой прорыв в области стабилизации... Мы давно ждали чего-то подобного. И это случилось! Вы гений! Кайан Харис презентовал вкратце вашу работу, но то, что вы демонстрируете, просто поражает воображение.

Я чувствую, как в горлу подступает тошнота. В то время как Артеос заканчивает свою презентацию под аплодисменты. Садится на своё место рядом со мной, делает глоток шампанского из бокала. Раскланивается, улыбается в ответ на одобрительный гул голосов за столом.

Он получил то, за чем пришёл.

Но я не могу держать свое возмущение внутри себя. Наклоняюсь ближе к нему, всё ещё веря, что мы можем обойтись без скандала.

– Вы не упомянули, что базовая гипотеза принадлежит мне.

Он игнорирует мои слова, старательно делает вид, что я шепчу ему о своем восхищении, о каком все сейчас твердят за этим столом.

– Расчёты тоже мои! – шиплю я. На глаза наворачиваются слёзы.

Артеос не ведёт и бровью. Не глядя на меня он отвечает почти одними губами:

– Не здесь!

– Но это моя работа! – восклицая я, внутри всё переворачивается от гнева и бессилия. – Это мои идеи. Вы не имеете права!

– Это жизнь! – усмехается он, и в этой усмешке столько превосходства, что меня пробивает холодная дрожь, – Ты без меня никто, Алиана. Без моего положения ты сидела бы в архивном секторе до самой своей смерти. Хочешь этого? Хочешь, чтобы твой ребёнок вырос в нищете? Тогда улыбайся и молчи. Ну или можешь поздравить меня и Кайана Хариса с гениальным прорывом.

– Я не буду молчать, – произношу я сквозь зубы, – это была моя работа!

– О твоей работе я прекрасно осведомлен, – в глазах Артеоса мелькает злородное превосходство. – И чем ты занималась на работе с Кайаном Шераасом. Может ты и забыла, так я напомним, что все лабораторные помещения оснащены камерами. Всё записано, малышка. Всё! За такой фильм многие будут готовы заплатить! Такая страсть!

Мне становится по-настоящему плохо.

Визуалы 1

Визуалы

Девочки, принесли вам показать визуалы, как по нашему мнению, могли выглядеть Артеос и Алиана на званом ужине. Как вам?

Артеос

Алиана

Глава 8

Я смотрю на Артеоса и не узнаю его. Или узнаю впервые. Холодная улыбка, ледяные глаза, голос, в котором нет ничего человеческого, только расчёт и превосходство. Он держит меня за руку, и я чувствую, как

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.